

Таубер Александр Семенович

**Пережитое и передуманное
студентом, врачом и
профессором: Быль**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Семенович Т.**
Пережитое и передуманное студентом, врачом и профессором: Быль / Таубер
Александр Семенович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 246 с.

ISBN 978-5-519-76376-9

ISBN 978-5-519-76376-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Трагическая смерть *Е. И. Богдановскаго* у операционнаго стола.—Перечень его литературных трудов.—Краткая оцѣнка его ученой дѣятельности. 160—174

Глава XV. Страдная пора предъэкзаменаціоннаго времени въ Медико-Хирургической Академіи.—Многочисленность предметовъ, входящихъ въ экзаменаціонный листъ, влечетъ за собою сумятицу въ головѣ экзаменующагося.—Неблаговидные поступки нѣкоторыхъ студентовъ, вылавливающихъ «весьма удовлетворительныя» отмѣтки у благодушныхъ экзаменаторовъ.—О значеніи экзаменовъ для серьезно изучающихъ медицину студентовъ.—Кое-что о литографированныхъ запискахъ и конспективныхъ учебникахъ.—Механизмъ приготовленія къ экзаменамъ.—Характеристика нѣкоторыхъ типовъ изъ экзаменовавшихся на званіе лекаря въ 181* году. 175—187

Глава XVI. Суровая декабрьская ночь на Литейномъ мосту въ Петербургѣ.—Необычная обстановка экзамена по физиологіи, вызвавшая броженіе среди студентовъ выпускнаго курса Академіи.—Благопріятное окончаніе лекарскихъ экзаменовъ и студенческая попойка по этому поводу.—Наивныя размышленія новоявленнаго лекаря подъ вліяніемъ паровъ Бахуса.—Примѣры безучастія со стороны родной сестры и великодушія со стороны добраго товарища.—Заботы и хлопоты объ освобожденіи себя отъ обязательной службы въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ.—Первая официальная просьба предъ непосредственнымъ начальствомъ терпѣть полное фіаско и причинять много горя автору. 188—201

Глава XVII. Петербургская улица при бездорожьи и непогоды зимняго времени.—Памятный для автора день плаксивой погоды.—Интересная бесѣда съ товарищемъ диаметрально противоположнаго темперамента. Нѣсколько словъ о *В. А. Маниссѣ*, какъ о референтѣ повѣвшихъ научныхъ работъ по медицинѣ.—Конкурсное испытаніе врачей на право быть зачисленными институтскимъ врачамъ при Академіи для усовершенствованія.—Сцены въ конференцъ-залѣ Академіи во время конкурса. 202—215

Просимъ исправить нижеслѣдующія погрѣшности:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ исправить на:
1	3 сверху	приподносить	преподносить
33	13 сверху	передавали эти листки	передавали эти листки
		другу	<i>другъ другу.</i>
46	8 снизу	тремя	<i>время</i>
65	10 сверху	жесткрылыхъ	жесткокрылыхъ
65	13 сверху	орнографію	<i>оригинаграфію.</i>
70	15 снизу	«To by, or not to by!»	«To <i>be</i> , or not to <i>be</i> !»
138	11 сверху	содать	создать
159	8 снизу	 гдѣ	<i>куда</i>
185	11 сверху	рефировать	реферировать
195	18 сверху	способствующей тебѣ	способствующую тебѣ
199	15 сверху	ранѣ	ранѣе
203	10 сверху	намѣреаваться	намѣреиваться
203	17 сверху	конкуретному	конкурсному

ГЛАВА I.

Юношество автора.—Профессора *Ценковский* и *Н. Соколовъ*, какъ сыгнатели реальныхъ познаній въ Новороссійскомъ университетѣ.—Кое-что о нигилизмъ и нигилистахъ въ университетской жизни 60-хъ годовъ.—Негостепримство Петербурга для безденежнаго студента въ первые мѣсяцы его пребыванія въ столицѣ.—Нѣсколько словъ о преподавателяхъ и порядкахъ Петербургскаго Технологическаго Института въ 60-хъ годахъ.

С «Мысль при записываніи превращается въ нитку и ловче тянется изъ мозга, чѣмъ при размышленіи безъ письма. Безъ слова нѣтъ мысли, безъ мысли нѣтъ слова»...
Н. И. Пироговъ.

Покойный профессоръ *Т. Бильротъ*—восьма талантливый учитель, врачъ и литераторъ—какъ-то высказалъ слѣдующій афоризмъ: «Если врачъ или кто-либо другой приподноситъ вамъ свои наблюденія и свою опытность, то вы узнайте сначала какого сорта человекъ самъ «наблюдатель».—Весьма часто мнѣ приходилось убѣждаться въ полной справедливости этого афоризма: неоднократно я сожалѣлъ о бесполезно потраченномъ времени на чтеніе quasi-учебной книги такихъ авторовъ, которые не различаютъ факта отъ вымысла и плодъ своей досужей фантазіи выдаютъ за совершившееся явленіе, за которымъ признаютъ права непоколебимой истины. Такихъ руководителей мыслей или собесѣдниковъ покойный проф. *Бильротъ* на диспутахъ характеризировалъ однимъ лишь названіемъ имени докладчика. Напримѣръ: «Richtig! aber das hat ja *Max Schede* gesagt oder geschrieben» *). Краткими словами «richtig» и «*Schede*» достойнымъ образомъ оцѣнена высказанная имъ истина.

*) «Положимъ, что такъ, но вѣдь это утверждаетъ устно или письменно только *Максъ Шедъ*».

Разсчитывая на вниманіе со стороны благосклонныхъ читателей и, въ частности, на вниманіе со стороны товарищей-врачей, я первѣе всего представляю матеріалъ для рѣшенія вопроса—какого сорта человѣкъ самъ наблюдатель, или кто такой самъ авторъ пережитаго и передуманнаго на 30-ти лѣтнемъ поприщѣ врача и профессора?

Поставивъ себѣ задачу—въ послѣдующихъ повѣствованіяхъ сообщать не вымыслы, а факты, и лишь такіе факты, которые представляютъ собою общественный или, правильнѣе, корпоративный интересъ, я постараюсь, насколько только возможно, быть объективнымъ.

Со дня моего поступленія на самостоятельное поприще общественнаго дѣятеля я приучилъ себя изо дня въ день вносить въ записную книжку краткія свѣдѣнія о томъ, что мною сдѣлано въ теченіе дня; въ началѣ моей практической дѣятельности врача эти замѣтки были весьма кратки: онѣ содержали лишь имена лицъ и голыя числа; но впослѣдствіи, по мѣрѣ расширенія поприща моей общественной дѣятельности, ежедневныя замѣтки совершенствовались и становились содержательнѣе. При неуклонномъ веденіи отчета своего прожитаго времени у меня образовался непогрѣшимый источникъ фактовъ, въ которомъ воувѣренная память 60-ти лѣтняго автора можетъ черпать свѣдѣнія относительно времени, мѣста, названія лицъ и т. п. данныхъ, неизбѣжныхъ во всякомъ историческомъ повѣствованіи.

Согласно требованіямъ литературной этики, я, во избѣжаніе личной обиды дѣятелей, находящихся въ живыхъ, считалъ нужнымъ не называть ихъ настоящими именами; кромѣ того предупреждаю читателя, что, принявъ на себя роль бытописца, я изображаю преимущественно типы и рисую ихъ съ натуры; аксессуарамъ же картины служатъ обыденныя явленія, которыя я позволяю себѣ перемѣщать или замѣнять во времени.

Въ молодости своей я обладалъ счастливою памятью; мнѣ достаточно было разъ прочесть внимательно научный трактатъ въ десятокъ и болѣе страницъ, чтобы быть въ состояніи повторить его устно, почти дословно, съ переименованіемъ всѣхъ авторовъ и указаніемъ числовыхъ данныхъ.—У меня развивалась не только психическая память, но и зрительная, и слуховая. Такъ, напримѣръ, при воспоминаніи читаннаго я могъ указать безошибочно мѣсто

книги (правая или лѣвая страница, вверху или внизу страницы), гдѣ помѣщенъ сообщенный фактъ; далѣе, по голосу или говору я узнавалъ людей, которыхъ я десятки лѣтъ не видалъ и не слышалъ. — Результатомъ такой разносторонней памяти явилось мое мышленіе «образами», т. е. когда мысленно останавливаюсь на событіи, имѣвшемъ мѣсто двадцать—тридцать лѣтъ тому назадъ, въ моемъ воображеніи нерѣдко воскресаютъ окружавшія это событіе явленія до мельчайшихъ подробностей, какъ-то: мѣсто, температура воздуха, участвовавшія лица, ихъ одежда, характерныя особенности ихъ рѣчи и т. п. — Такъ какъ профессія врача пріучаетъ наблюдателя сосредоточивать свое вниманіе не только на бросающіяся въ глаза явленія, но не упускать также изъ виду и побочныхъ уклоновъ, то вслѣдствіе этого воспоминанія воскрешаютъ въ моей памяти какъ-то рельефно и рисуютъ въ воображеніи образы. Насколько перо мое въ состояніи словесно изобразить пережитыя мною картины жизни студента, врача и профессора — предоставляю судить моимъ читателямъ, заранѣе прося снисхожденія въ недостаткахъ литературнаго художества.

Родился я на югѣ Россіи въ 1848 г. — въ періодъ зарожденія революціонныхъ идей на всеевропейскомъ горизонтѣ народныхъ освободительныхъ движеній. Въ виду этого факта отецъ мой, имѣя четырехъ сыновей, меня — третьяго — называлъ иногда, шутки ради, революционеромъ. Прозвищемъ этимъ отецъ характеризовалъ меня какъ мальчика, не мирившагося съ тяжелыми условіями многочисленной интеллигентной, но побѣдѣвшей семьи; мальчика, стремящагося съ ранней юности во-что-бы-ни-стало пробить себѣ дорогу къ свободной жизни.

До Крымской войны отецъ мой считался человекомъ зажиточнымъ, имѣлъ собственный двухъэтажный домъ-особнякъ съ обширнымъ фруктовымъ садомъ, съ сараями, конюшней и т. п. прислужбами. — Въ домѣ у насъ, я помню, жили бѣдные родственники со стороны матери и отца: кто въ роли приказчика, кто — экономкой или ключницей, а кто — приживалками. Отецъ былъ человекъ чрезвычайно добрый, мягкаго характера и примѣрный семьянинъ. Мать, напротивъ того, строптивая, крутого нрава, себя-

любивая женщина, суетливая, деспотичная хозяйка въ домѣ, порабощавшая всѣхъ и вся, не исключая и мужа.

Отца я любилъ и чтить, а мать почиталъ по долгу. Отецъ всегда работалъ по мѣрѣ силъ и способностей; главная его забота была—дать хорошее воспитаніе всѣмъ дѣтямъ. Но, къ сожалѣнію, мечта его осуществилась лишь на половину: во время Крымской кампаніи два-три судна, нагруженныхъ хлѣбомъ и отправленныхъ отцомъ по Черному морю за границу подъ рускимъ флагомъ, были по пути захвачены англичанами и конфискованы. Такимъ образомъ все состояніе отца разомъ погубило. Послѣдствіемъ такой неожиданной катастрофы было то, что меня, какъ одного изъ младшихъ семьи, обучали ужъ какъ-нибудь и чему-нибудь, тогда какъ старшимъ дѣтямъ (всѣхъ насъ было семеро и среди нихъ я былъ пятый) отецъ успѣлъ еще дать домашнее воспитаніе: обучалъ ихъ иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, старшую дочь дважды отправлялъ съ матерью путешествовать за границу. Но такова была судьба младшихъ дѣтей нашей семьи.

Едва стукнулъ мнѣ десятый годъ, какъ старшій братъ повелъ меня въ гимназію, гдѣ учителя, проэкзаменовавъ меня, признали достойнымъ быть ученикомъ перваго класса.

По сію пору въ моей памяти сохранились рельефно нѣкоторые дѣтскія впечатлѣнія; какъ-то: радость и восторгъ, когда впервые увидѣлъ себя въ зеркалѣ въ новой гимназической фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и чрезвычайно мизерный видъ свой въ военно-форменномъ, съ краснымъ воротникомъ и съ блестящими желтыми пуговицами, кафтанѣ, перешитомъ изъ стараго люстриннаго сюртука старшаго брата.— На 13-мъ году, помню, во время каникулъ я заработалъ уроками столько денегъ, что на нихъ мать заказала мнѣ первое новое форменное пальто.

Приведенные факты свидѣтельствуютъ о нуждѣ, испытанной мною въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ. Изъ года въ годъ жизнь въ родительскомъ домѣ становилась для дѣтей-подростковъ все тягостнѣе: каждый ломтикъ хлѣба мать выдавала намъ со счетомъ, одежда наша была ниже всякой посредственности; книгъ не на что было покупать и готовить классные уроки приходилось больше у сосѣда—товарища по гимназіи. Впрочемъ, требованія въ гимназіи

въ то время были не тѣ, что нынѣ: насъ учили больше въ классѣ, чѣмъ мы сами у себя дома по книжкамъ. /

Перейдя въ пятый классъ гимназіи, я оставилъ домъ родительскій, такъ какъ желалъ кончить курсъ въ реальной, а не въ классической гимназіи; въ Одессѣ же, гдѣ жили мои родители, находившіяся тамъ двѣ правительственныя гимназіи, были преобразованы въ классическія.

Подутно считаю нужнымъ указать, что въ 60-хъ годахъ гимназисты 5-го класса особенно охотно прочитывали періодическіе журналы: „Библіотека для чтенія“, „Русское Слово“ и „Современникъ“, на страницахъ которыхъ печатали свои увлекательныя статьи: *Писаревъ*, *Антоновичъ*, *Чернышевскій* и друг.

Послѣдніе три класса среднего учебнаго заведенія (5-й, 6-й и 7-й) я прошелъ въ Николаевской реальной гимназіи, откуда вынесъ весьма отрадныя воспоминанія объ учителѣ естественныхъ наукъ *Н. Соковнинѣ*, о директорѣ гимназіи — *Н. Геккѣ*, учителѣ математики *Рыбскомѣ* и друг. Сообщу нѣсколько фактовъ о первомъ изъ нихъ.

Согласно программѣ *реальныхъ* гимназій 60-хъ годовъ, начиная съ 5-го класса, въ Николаевской гимназіи преподавали ботанику, минералогію, химію и, какъ примѣненіе послѣдней, технологію въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ видѣ, чтобы учащіеся, по окончаніи курса гимназіи, были-бы въ состояніи примѣнять свои теоретическія свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ въ практической жизни. Главнымъ руководителемъ нашимъ по естествовѣдѣнію былъ *Н. А. Соковнинъ*, который, помимо любви къ своей преподавательской дѣятельности, обладалъ завидною способностью — привлекать своихъ учениковъ къ преподаваемому предмету. Такъ, напримѣръ: что можетъ для 14-ти или 15-ти лѣтнаго юноши представить интереснаго описаніе турбинъ, котловъ или иныхъ машинъ, употребляющихся въ технологіи? А между тѣмъ теоретическіе уроки *Соковнина* по сахарному, бумажному и салотопенному производству составляли для большинства изъ насъ гимназистовъ 6-го класса самыя любимыя занятія. Его урочные часы проходили въ демонстрированіи различныхъ опытовъ, въ описаніи болѣе сложныхъ рядовъ и въ устномъ бесѣдованіи съ учениками о практическомъ

примѣненія того или другого закона естествовѣдѣнія; обыкновенно урокъ кончался повтореніемъ кѣмъ-либо изъ учениковъ тѣхъ же опытовъ, какіе были произведены учителемъ въ началѣ урока. При такомъ способѣ преподаванія внимательному и усердному юношѣ рѣдко приходилось заглядывать въ учебники, которыхъ, кетати сказать, тогда у насъ и не было. Для повторенія къ экзамену мы пользовались какими-то замѣтками, составленными каждымъ для себя самого.

Послѣдніе три года гимназической жизни въ Николаевѣ я про-велъ такъ, какъ проживаетъ большинство изъ несостоятельныхъ студентовъ, именно: нанималъ у какой-то бѣдной купчихи комнату, за которую платилъ три рубля въ мѣсяцъ; столовался у отставного моряка Богданова и, взявъ плату за столъ, репетировалъ его тринадцатилѣтняго сына—гимназиста; кромѣ этого имѣлъ еще нѣсколько уроковъ въ частныхъ домахъ и даже въ одномъ мужскомъ пансіонѣ, содержателемъ котораго былъ нѣкій Лемке—аферистъ и эксплуататоръ бѣдныхъ родителей.—Короче, будучи шестнадцатилѣтъ отъ роду, я уроками зарабатывалъ всѣ свои потребности и былъ настолько обезпеченъ, что могъ кое-что удѣлять своей младшей сестрѣ, которая тогда только поступила въ гимназію.

Кончилъ я реальную гимназію съ серебряною медалью и, по полученіи диплома съ отличіемъ, я мечталъ о переселеніи въ Петербургъ для поступленія въ высшее специальное техническое заведеніе; въ осуществленія моей мечты обѣщаль мнѣ помочь директоръ гимназіи—*Н. Геккз*, который обратился тогда въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о награжденіи меня за отличныя успѣхи вмѣсто медали денежнымъ пособіемъ для проѣзда въ Петербургскій Технологическій Институтъ. Но мечты эти не осуществились: ожидаемое пособіе изъ министерства не послѣдовало, а позаимствовать денегъ у кого-либо изъ родныхъ я не могъ и не желалъ. Такъ какъ въ 60-хъ годахъ еще не было непрерывнаго желѣзнодорожнаго сообщенія между Одессою и Петербургомъ, то проѣздъ изъ южной въ сѣверную Пальмиру требовалъ имѣть добрую сотенку въ карманѣ, — а этого у меня не было. Вотъ почему я, хотя-не-хотя, поступилъ въ Новороссійскій университетъ на физико-математическій факультетъ.

Въ лицѣ профессоръ *Л. С. Ценковского* — по ботаникѣ и *Н. В. Соколова* — по химіи я впервые увидѣлъ передъ собою истыхъ сѣятелей чистой науки. Въ ихъ небольшихъ лабораторіяхъ мы всегда собирались въ полномъ составѣ (на нашемъ курсѣ, насколько могу припомнить, было всего 18 человекъ студентовъ-естественниковъ), съ захватывающимъ интересомъ слушали увлекательныя лекціи этихъ популярныхъ профессоровъ реальныхъ наукъ. Особенно интересны были лекціи *Льва Семеновича Ценковского* по біологіи низшихъ растений, ученіе о которыхъ составляло собственно основу современной бактеріологіи. — Къ крайнему сожалѣнію, неурядицы въ Новороссійскомъ университетѣ между членами различныхъ факультетовъ (юридическаго и естественно-историческаго) имѣли результатомъ переселеніе проф. *Ценковского* въ Харьковскій университетъ и проф. *Н. В. Соколова* — въ Петербургскій Лѣсной Институтъ. Вслѣдствіе этого естественный факультетъ Новороссійскаго университета скоро потерялъ для меня всю притягательную силу и я сталъ заботиться объ осуществленіи моей давнишней мечты — о переселеніи въ Петербургъ, что и осуществилось въ скоромъ времени.

Предварительно считаю нужнымъ привести нѣсколько эпизодовъ изъ первыхъ лѣтъ моей студенческой жизни; послѣдняя совпала съ періодомъ зарожденія, такъ называемаго, «нигилизма» среди учащихся; поэтому нѣкоторыя картинки изъ обыденной студенческой жизни того времени могутъ, я думаю, служить матеріаломъ для характеристики автора предлагаемыхъ воспоминаній.

Въ Одессѣ я жилъ совместно съ однимъ студентомъ того же курса и факультета, нѣкимъ *Корневскимъ*, который теперь рисуется въ моей памяти высокимъ, стройнымъ молодымъ человекомъ съ весьма скудною растительностью на губахъ и подбородкѣ, всегда скромно, но чистенько одѣтымъ и до-нельзя корректнымъ какъ въ своихъ обязанностяхъ, такъ и въ отношеніяхъ къ лицамъ, приходившимъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Получая отъ родителей ежемесячно 30 рублей, *Корневскій* уроками не занимался, но во всемъ былъ чрезвычайно разсчетливъ; напримѣръ, онъ мнѣ сдалъ половину своей комнаты, за которую самъ платилъ хозяйкѣ всего 6 рублей въ мѣсяцъ. Такъ какъ самовара намъ не подавали ни утромъ, ни вечеромъ, то для того чтобы напиться чаю, одинъ изъ

насть, по очереди, отправлялся въ ближайшій трактиръ съ объемистымъ жестянымъ чайникомъ и тамъ покупалъ на копейку кипятку, приносилъ его домой, и зѣвъ онъ разливался въ два фарфоровыхъ чайника, куда каждый отдѣльно всыпалъ ложечку своего чая.

Дѣловитость *Корневскаго* доходила до того, что даже наши товарищескія совмѣстныя бесѣды онъ ограничилъ опредѣленнымъ временемъ, именно—во время прогулокъ или перехода изъ дома въ университетъ мы обмѣнивались мыслями или говорили о своихъ дѣлахъ и текущихъ вопросахъ дня. Дома же, т. е. на совмѣстной квартирѣ, *Корневскій* былъ почти нѣмъ: обыкновенно онъ сидѣлъ за своимъ столомъ у окна, углубившись въ чтеніе какой-либо серьезной книги съ карандашемъ въ рукахъ, имѣя предъ собою тетрадку, куда онъ вносилъ постоянно свои замѣтки. *Корневскій*, какъ и я въ то время, не зналъ иностранныхъ языковъ; но чтобы черпать свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ, мы постановили себѣ за правило химическіе трактаты читать всегда въ нѣмецкихъ, а физическія изслѣдованія—во французскихъ оригинальныхъ сочиненіяхъ. Поэтому намъ приходилось читать всегда со словаремъ въ рукахъ, отчего чтеніе, вполнѣ естественно, подвигалось весьма медленно. Тѣмъ не менѣе результатъ подобнаго чтенія, или правильнѣе, штудированіе оригинальныхъ трактатовъ не замедлило обнаружиться: по истеченіи года мы такъ хорошо освоились съ иностранными терминами и учеными оборотами книжнаго языка, что я могъ свободно переводить съ нѣмецкаго и французскаго языковъ любую книгу по химіи и физикѣ. Подобнаго рода переводы оплачивались много лучше, нежели бѣготня по урокамъ и вдалбливаніе гимназическихъ премудростей въ головы мало способнымъ или излѣнившимся подросткамъ.

Но возвратимся къ характеристикѣ студента *Корневскаго*. Встрѣчая затрудненія при чтеніи книгъ, онъ никогда не обращался ко мнѣ за разъясненіемъ замысловатой фразы или оборота рѣчи, хотя сознавалъ, что изученіе иностранныхъ языковъ, особенно нѣмецкаго, давалось ему много труднѣе, нежели мнѣ.—Равнымъ образомъ онъ никогда не прибѣгалъ къ какой бы то ни было услугѣ со стороны товарища.—Принципъ „*Self-man*“ возведенъ *Корневскимъ* въ догматъ; онъ собственноручно чистилъ свои сапоги, убя-